

ловечества, представляющие собой социальные организмы в виде этносов, государств и т. п.

Уже само по себе применение понятий «биологическая дивергенция», «популяция» применительно к человеку современного вида открывает путь для предположений о дальнейшей дивергенции рас и популяций, складывании новых рас, консервации и углублении биологических различий между разными группами человечества. Но это противоречит сущности современных политических и этнокультурных процессов, для которых скорее характерна интеграция, чем дифференциация. Впрочем, вступая в противоречие с собственными взглядами, высказанными в начале статьи, автор рассматривает многие социальные факторы как интегрирующие, а не ведущие к дивергенции (см. стр. 125 и сл.).

Вынужденная краткость настоящей заметки заставила меня остановиться главным образом на дискуссионных проблемах, поднятых В. П. Алексеевым. В связи с этим, чтобы не возникло неправильного представления об оценке статьи в целом, хочу отметить, что она весьма интересна, содержит много ценных мыслей и положений, и следует всячески одобрить обсуждение таких сложных проблем представителями разных наук.

Г. Е. Марков

О СПЕЦИФИКЕ РАСООБРАЗОВАНИЯ У ЧЕЛОВЕКА

Статья В. П. Алексеева озаглавлена «О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций». Из такого названия трудно понять, о какой дивергенции пойдет речь — родовой, видовой, расовой, популяционной, конституциональной или какой-либо еще. Ведь сам автор рецензируемой статьи в одной из своих последних работ рассматривает разные уровни биологической дивергенции человечества, выделяя, например, в составе подсемейства людей (*Homininae*) два рода и пять видов¹. Однако при первом же ознакомлении с текстом рассматриваемой статьи становится очевидным, что в ней анализируются социальные факторы расовой дивергенции, т. е. расообразования. В. П. Алексеев выделяет семь групп таких факторов, играющих, по его мнению, роль «фильтра», который ускоряет или замедляет процесс расообразования. Факторы эти следующие: «...характер развития производительных сил, а с ним и общественного развития, господствующая в разных обществах система заключения браков, характер расселения тех или иных человеческих коллективов, социальная стратификация, этнические границы, государственные границы и сложившиеся социально-психологические стереотипы поведения...» (стр. 119). Но тут же автор, противореча сам себе, пишет: «При рассмотрении вопроса в целом есть основание утверждать, что фильтр социальных факторов, через которые пропускаются биологические закономерности расообразования, всегда способствует биологической дифференциации человечества, ускоряет, а не замедляет ее» (там же). Фактические данные, приводимые В. П. Алексеевым для «доказательства» ускоряющего влияния социальных факторов на расообразование, как правило, неубедительны уже потому, что они доказывают вовсе не образование каких-либо новых рас, а только колебания в распределении отдельных генов в популяциях, в разной степени изолированных друг от друга генетическими барьерами. Так, например, малые популяции Дагестана и Памира обнаруживают известные, иногда довольно значительные различия в вариациях некоторых серологических и дерматоглифических признаков, которые, бесспорно, стимулируются и

¹ В. П. Алексеев, Возникновение человека и общества, сб. «Первобытное общество», М., 1975, стр. 19.

консервируются как условиями расселения в высокогорной местности, так и эндогамией в пределах отдельных селений или их соседних групп, т. е. как географическими, так и социальными факторами². Тем не менее все малые популяции Дагестана принадлежат в основном к одному — кавказскому — расовому типу южных европеоидов, а изоляты Памира — к другому типу той же группы рас — памиро-ферганскому. Несмотря на многовековую изоляцию малых эндогамных популяций, на их основе новые расы не возникли.

Интересно, что работы Советско-Индийской антропологической экспедиции среди эндогамных кастовых групп населения союзной территории Дели в 1971 г. показали, что все обследованные группы, несмотря на длительную изоляцию и полное отсутствие междукастовых браков, принадлежат к индопамирской ветви индосредиземноморской расы. Можно полностью согласиться с руководителем экспедиции М. Г. Абдушелишвили, что «характеристика изученных групп дает возможность сделать один, с нашей точки зрения, важный вывод — речь идет о ничтожных различиях между изученными группами»³. Очевидно, как, впрочем, и следовало ожидать, долихоцефальный вариант индопамирской ветви сложился раньше, чем образовались касты, обследованные в 1971 г. Защищая положение об образовании новых рас в изолированных малых популяциях, В. П. Алексеев, на мой взгляд, явно путает процесс расообразования с изменениями концентрации отдельных генов или их групп и по существу не различает такие категории, как раса и популяция. О расообразовании в собственном смысле слова можно говорить только в тех случаях, когда в популяциях разных иерархических рангов образуются устойчивые, передающиеся от поколения к поколению комплексы многих морфологических и физиологических признаков, наследующихся, как правило, независимо друг от друга. Ни один из конкретных примеров, приводимых В. П. Алексеевым для доказательства тезиса о роли социальных факторов как стимуляторов расовой дивергенции, не удовлетворяет этим условиям и уже в силу сказанного не может считаться сколько-нибудь убедительным.

Если популяция — это «репродуктивное сообщество разнополых и перекрестно оплодотворяющихся особей, обладающих неким общим генетическим фондом»⁴, то раса — это «единица родства по происхождению»⁵. Популяция и раса — «понятия, различные по содержанию и, конечно, не заменяющие одно другое»⁶. Непонятно, почему В. П. Алексеев игнорирует это элементарное положение антропологической науки. Конечно, каждая раса складывается на основе какой-либо конкретной популяции или группы популяций, расселенных на определенной территории, и, таким образом, по самому своему происхождению является ареальной биологической категорией (о чем, кстати, в рецензируемой статье вовсе не упоминается). Основные большие расы людей современного вида (*Homo sapiens*) складывались, по мнению большинства советских и зарубежных антропологов, под воздействием адаптации к различным экологическим условиям, посредством естественного отбора

² А. Г. Гаджиев, Антропология малых популяций Дагестана, Махачкала, 1971; Ю. Г. Рычков, Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира), М., 1969; Г. Л. Хитъ, Распределение групп крови в населении Памира, «Вопросы антропологии», вып. 3, 1961; ее же, Дерматоглифика населения Западного Памира, «Сов. этнография», 1964, № 5; ее же, Расовая дифференциация населения СССР (соматологический и дерматологический аспекты), «Расы и народы», 5, 1975.

³ М. Г. Абдушелишвили, Материалы совместных советско-индийских антропологических исследований в свете общих проблем генезиса индосредиземноморской расы, «Сов. этнография», 1972, № 6, стр. 121.

⁴ Дж. Харрисон, Генетика человека, в кн.: «Биология человека», М., 1968, стр. 131.

⁵ В. В. Бунак, Комментарии, в кн.: «Биология человека», стр. 419.

⁶ Там же.

в позднем палеолите или мезолите; несколько позднее, но, во всяком случае, задолго до начала разложения первобытного общества, сформировались крупнейшие подразделения больших рас, такие, например, как северные и южные европеоиды или континентальные и тихоокеанские монголоиды⁷. Очевидно, в период формирования основных рас ни один из указанных В. П. Алексеевым «стимуляторов биологической дивергенции» не мог действовать, так как в то время не было еще сколько-нибудь значительных различий в темпах социально-экономического развития и в характере расселения первобытных охотников и собирателей по поверхности земли, не развилась известная нам по историко-этнографическим данным система заключения браков, отсутствовала социальная стратификация, не сложились характерные для более поздних периодов этнические и тем более политические границы и не могло быть и речи о психологических типах поведения, существующих в настоящее время.

Не останавливаясь подробно на «доказательствах», приводимых В. П. Алексеевым для обоснования своих положений о роли социальных факторов как «стимуляторов» или «катализаторов» расообразования, упомянем только о нескольких примерах таких «доказательств». В. П. Алексеев пишет, что «на Иранском плато население горных районов отличается от равнинного и можно предполагать, что различие это образовалось в древнюю эпоху и относится хронологически именно ко времени выделения скотоводов и земледельцев» (стр. 120). Действительно, по данным Х. Филда⁸, скотоводы Ирана более матуризированы по сравнению с их сельскохозяйственными соседями, хотя и те и другие, по мнению почти всех специалистов, относятся к одной и той же индосредиземноморской (южноевропейской) расе⁹. Некоторые различия в степени матуризации вряд ли имеют расовый характер; кроме того, надо иметь в виду, что в состав скотоводов Иранского плато вошли группы восточного происхождения, включавшие, вероятно, монголоидные компоненты. О роли Рейна в качестве генетического барьера В. П. Алексеев пишет, что этот водный рубеж, замедляя расообразование (?), «способствует стабилизации определенного расообразовательного локуса способствует, следовательно, в конечном счете и расовой динамике» (там же). Здесь расообразование спутано с расовой динамикой, к которой можно, конечно, относить перемещение расовых типов в связи с миграциями населения, неравномерность демографических процессов в популяциях с различным расовым составом, межрасовую метисацию, но ни в коем случае нельзя причислять процесс образования новых рас. Правда, в отдельных случаях смешение разных рас с последующей длительной изоляцией метисированных групп может привести к возникновению более или менее устойчивых расовых комплексов переходного характера, как это имело место на Японских островах, а в более позднее время, возможно, в Бразилии, но подобные частные, хотя и очень интересные явления, не дают права утверждать, что социальные факторы всегда, или в большинстве случаев, ускоряют расообразование.

Очень странное впечатление производит упоминание В. П. Алексеевым расовой специфики китайцев со ссылкой на мою работу¹⁰. По мне-

⁷ Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, М., 1971, стр. 139—146.

⁸ H. Field, Contributions to the anthropology of Iran, «Field Museum of natural history, anthropological series», vol. 29, Chicago, 1939.

⁹ Г. Ф. Дебец, Человеческие расы мира, «Атлас народов мира», М., 1964, стр. 8, 9, 118—123; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, стр. 112—119.

¹⁰ Н. Н. Чебоксаров, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. II, М.—Л., 1947; его же, К вопросу о происхождении китайцев, «Сов. этнография», 1947, № 1; его же, К этнической антропологии Южного Китая (по материалам полевых исследований в провинции Гуандун), «Сов. этнография», 1973, № 5.

нию автора обсуждаемой статьи, китайцы (как и японцы) обнаруживают «значительную однородность внутри себя и в то же время резкие отличия от других народов» (стр. 121). Этот «вывод» не соответствует действительности и находится в противоречии с результатами моих оригинальных исследований в Китае, которые показали расовую неоднородность как самих китайцев (хань), так и других народов КНР на всем пути их этнической истории. Правда, В. П. Алексеев оговаривается, что расовая «специфика нарушена южными примесями в южных районах расселения китайцев» (там же). Но эта оговорка искажает полученные мною выводы, вводит в заблуждение читателей и является некорректной по отношению к автору настоящего отклика. Собранные мною материалы по китайцам и другим народам КНР показывают, что северные китайцы, включающие различные восточно- и северномонголоидные расовые типы, а на западе своего расселения, по-видимому, также европеоидные компоненты, антропологически очень близки к другим народам Центральной и Восточной Азии, в особенности к некоторым популяциям тибетцев, маньчжуров и корейцев. Южные китайцы резко отличаются от северных и по расовому составу, в котором большую, а местами и преобладающую роль играют южные монголоиды, обнаруживают большую близость к некитайским народам Юго-Восточной Азии (тай, мяо, яо, вьеты и др.), чем к населению северных провинций Китая¹¹. О какой же «расовой специфике» китайцев может идти речь!?

В. П. Алексеев напрасно старается доказать, что генетические барьеры между этническими, сословными, классовыми, государственно-политическими и другими социальными общностями на протяжении всей истории человечества имеют тенденцию усиливаться, а все перечисленные общности представляют собой по крайней мере потенциальные расы, противостоящие друг другу. «Социальная структура общества, — читаем мы в заключении к статье В. П. Алексеева, — действует как фильтр, который опосредует эффект биологических факторов расообразования. В то же время она действует как катализатор биологической дивергенции человечества, хотя возможности такой дивергенции часто не реализуются в действительности из-за динамики самой социальной среды» (стр. 131).

Действие социальной среды как катализатора биологической дивергенции человечества В. П. Алексеев не связывает с какими-либо определенными периодами истории, хотя ранее он сам указывал, что расовая структура человечества в основном отражает ранние этапы его истории, поэтому же антропологический материал особенно эффективен как исторический источник, когда речь идет о древних эпохах¹².

Фактически генетические барьеры, создаваемые социальной структурой, ограничены в пространстве и во времени и на протяжении человеческой истории имеют тенденцию не усиливаться, а ослабевать, хотя процесс возникновения и исчезновения этих барьеров отличается большой сложностью и противоречивостью. С различными социальными общностями, чаще всего с этносами, оказываются сопряженными не расы, а популяции¹³. В классовых обществах в периоды перехода от одной формации к другой, сопровождаемыми, как правило, революционными взрывами и связанными с ними «вертикальными» и горизонтальными перемещениями больших человеческих масс, происходит как социальная, так и этническая перетасовка населения, изменение политических границ, возрастают межэтнические, а вместе с тем и междрасовые контакты,

¹¹ См. работы, указанные в прим. 10, а также: А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Антропология и этнография о происхождении китайцев, «Расы и народы», 3, 1973.

¹² «Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея „Этнос и эндогамия“, «Сов. этнография», 1970, № 3, стр. 99.

¹³ Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 114—124.

рушатся генетические барьеры. Новые барьеры, возникшие на месте старых, почти всегда оказываются более кратковременными; с переходом от классового общества к бесклассовому барьеры эти, несомненно, будут постепенно отмирать.

В. П. Алексеев считает неверной мысль о человечестве в целом как о популяции. Принять эту мысль мешает действие «изоляции расстоянием» (стр. 125). Аргумент этот, однако, представляется неубедительным, так как брачные связи внутри единой популяции вовсе не состоят в том, что любой индивид может вступить в связь с индивидом другого пола, независимо от места обитания. Брачные связи, вызывающие обмен генов и постепенное выравнивание генофонда популяции, могут осуществляться и в действительности осуществляются путем наложения кругов брачных связей друг на друга так сказать «по цепочке», или, точнее, по нитям сложной микропопуляционной сети. Большую роль в процессе укрупнения и слияния популяций разных таксономических рангов играет интенсификация всех видов массовых и индивидуальных переселений и переездов (часто за пределы своей страны), а также временных встреч и совместного проживания молодежи в местах общей работы, учебы или отдыха. Все эти процессы в нашу эпоху резко ускоряются в связи с бурным развитием и усовершенствованием всех видов транспорта и коммуникаций вообще как внутри отдельных государств, так и между разными странами, в том числе и очень удаленными друг от друга. Взгляды В. П. Алексеева на популяционную структуру человечества, по моему мнению, противоречат не только вполне правильной точке зрения Ю. Г. Рычкова и «некоторых других исследователей», почему-то не названных в обсуждаемой статье (стр. 125), но оказываются несовместимыми с концепциями вида и популяции, общепринятыми в современной биологической науке.

В. Йохансен, впервые предложивший термин «популяция», понимал под ней группу свободно скрещивающихся или потенциально способных к скрещиванию организмов, населяющих определенный ареал и обнаруживающих определенные пространственно-временные взаимоотношения¹⁴. Основатель популяционной генетики С. С. Четвериков определял популяцию как сообщество свободно скрещивающихся организмов с характерными для составляющих его особей генотипом и фенотипом, обусловленными отбором. Вид, по мнению этого ученого, является самой большой и самой важной популяцией¹⁵. В уже цитированной нами книге «Биология человека», изданной на русском языке в 1968 г. под редакцией, с предисловием и комментариями В. В. Бунака, читаем: «Самая крупная менделевская популяция — это вид; ведь каждая особь потенциально (если не фактически) обладает всеми теми генами, которыми обладает вид, различные виды имеют различные генофонды, так как представители разных видов не скрещиваются между собой»¹⁶. Опираясь на эти работы, автор настоящего отклика также писал, «что высшей единицей в иерархии популяций всегда является вид в целом»¹⁷. Выделяя популяции потенциальные и реально существующие в разные эпохи истории вида (включая и вид *Homo sapiens*), а также учитывая их иерархичность, необходимо признать единое в видовом отношении человечество наивысшей категорией в системе попу-

¹⁴ W. Johannsen, *Über Erbllichkeit in Populationen und reinen Linien*, Jena, 1903.

¹⁵ С. С. Четвериков, О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики, «Журнал экспериментальной биологии», серия А, 1926, т. 2.

¹⁶ Дж. Харрисон, Указ. раб., стр. 131.

¹⁷ N. N. Cheboksarov, *Human races and populations*, «Races and Peoples. Contemporary Ethnic and Racial Problems», М., 1974, р. 49; см. также И. А. Чебоксарова, Н. Н. Чебоксаров, Этнос, популяции, расы, «Земля и люди, 1974», М., 1974, стр. 211—219.

ляционных таксонов. Отрицание этого положения В. П. Алексеевым (хочет он этого или не хочет) неизбежно толкает его на опасный путь отрицания видового единства человечества.

Н. Н. Чебоксаров

THE DUAL CHARACTER OF DIVERGENCE AND HOMOGENIZATION

The core of the problem lies, in the author's view, in the dialectical unity of the two ways in which social factors influence race formation. By creating social barriers between populations they accelerate this process in each particular case, but since changes in social factors occur much more rapidly than in biological evolution the shifts of these barriers usually prevent these tendencies from attaining a final rigidity; on the contrary, they are conducive to homogenization.

S. A. Arutiunov

DOES THE INCREASE IN MUTATIONS LEAD TO RACE GENESIS?

The number of mutations has increased in recent decades. However, the ensuing genetic deviations are not likely to originate a process of race genesis: this is prevented by social factors, e. g. those leading to a greater mobility and a higher frequency of ethnically mixed marriages.

V. I. Kozlov

SOCIAL FACTORS, DIVERGENCE AND POPULATIONS

The paper under discussion by V. P. Alexeyev poses important controversial problems concerning the influence of social factors over biological divergence. The definition of human races as biological populations may be disputed, as well as the conception of divergence as a naturally developing process. It seems that the biological history of Homo Sapiens is characterized rather by processes of integration than by those of divergence.

G. E. Markov

ON THE SPECIFICITY OF HUMAN RACE FORMATION

V. P. Alexeyev's main thesis that the filter of social factors through which biological race formation has to operate always furthers the biological differentiation of humanity, accelerates it -- runs counter to all factual data of anthropological science. In actual fact all the social factors enumerated by V. P. Alexeyev do not, in most cases, accelerate race formation processes; on the contrary, they tend to slow them down or even to stop them. These processes in the main reached their completion for the Homo Sapiens species in the late Palaeolithic and partly in the Neolithic period. V. P. Alexeyev confuses the race formation process, which is controlled by natural selection, with the variations in the concentration of individual genes in populations that are to a greater or lesser degree mutually isolated by genetic barriers. The identification by V. P. Alexeyev of «race» and «population», his denial of the potential populational unity of present-day mankind is also an error. It is only in individual cases that the mixing of different races formed under the influence of natural selection may, as a result of migrations and subsequent lengthy isolation, lead to the rise of stable group combinations of morpho-physiological traits similar to racial types. The Japanese may serve as an example of this, but not the Chinese, as is stated by V. P. Alexeyev. The denial of the potential populational unity of mankind inevitably draws V. P. Alexeyev towards the dangerous path of denying its unity as a species; this may give occasion for recognizing profound morpho-physiological and psychological differences between actual human populations and the races that have become formed upon their base.

N. N. Cheboksarov